ТАНЯ САВИЧЕВА

Пронзительно поведала людям о войне, принесшей столько горя ей и ее близким, двенадцатилетняя ленинградская девочка Таня Савичева. Среди обвинительных документов фашизму, представленных на Нюрнбергском процессе, была и маленькая записная книжка. В ней всего девять страниц. На шести из них - даты. И за каждой датой смерть. Шесть страниц - шесть смертей. Сжатые, лаконичные записи:

"28 декабря 1941 года Женя умерла... Бабушка умерла 25 января 1942-го. 17 марта - Лека умер. Дядя Вася умер 13 апреля. 10 мая - дядя Леша, мама - 15 мая". А потом без даты: "Савичевы умерли. Умерли все. Осталась одна Таня".

Сам дневник сегодня выставлен в музее истории Ленинграде, а его копия - в витрине одного из павильонов Пискаревского мемориального кладбища, что до сих пор останавливаются перед этими строчками, старательно выведенными детской рукой, потрясенные люди разных возрастов и разных национальностей, вглядываются в простые и страшные слова.

Не удалось спасти и саму Таню. Даже после того, как ее вывезли из блокадного города.

...140 ленинградских детей привезли в августе 1942 года в село Красный Бор Горьковской области.. Встречать их вышли все красноборцы. Несли детям кто что мог: пяток яиц, тарелку творога, теплую одежду. А дети были - страшно смотреть - изможденные, больные. В первый раз в баню многих несли на одеялах. Но человеческая доброта, целебный воздух сделали свое дело. Дети крепли, поднимались на ноги. Все ленинградские дети остались жить. Кроме Тани Савичевой, истощенная голодом и страданиями девочка не смогла уже подняться.

Таню отвезли в расположенный в том же районе Понетаевский дом инвалидов с его "санаторным" (по тем временам) питанием и более квалифицированным медицинским обслуживанием. Но болезнь уже была неизлечимой. Расстроилась координация движений, мучили страшные головные боли. 24 мая Таню перевезли в Шатковскую районную больницу. Там 1 июля 1944 года она и умерла.

Но не все Савичевы умерли! Наперекор

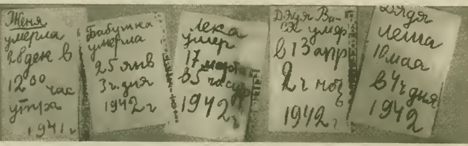

смерти продолжается жизнь этой семьи. Остался в живых родной брат Тани, Михаил, который в дни блокады ушел в партизаны и сестра Нина, она с группой ребят была направлена в строительный батальон на Ладогу. А потом срочно эвакуирована на Большую землю. Домашних она так и не смогла предупредить, Ее ждали несколько дней, а когда все сроки прошли мама Тани отдала, как память о сестре, ее записную книжку. Ту самую, которая стала Таниным дневником.

АРХИВНЫЕ ТАЙНЫ

О ленинградской блокаде обычно было принято говорить в героическом ракурсе. Об ужасах же ее никогда не говорили всей правды - более полувека архивные документы имели гриф "совершенно секретно". Сейчас петербургский историк, кандидат исторических наук Никита Ломагин завершает большую работу над книгой, которая будет посвящена многим неизвестным страницам блокады и жизни на оккупированной территории Ленинградской области. Он коренной ленинградец, его родители и бабушка пережили первую блокадную зиму. Отсюда его интерес к блокадной тематике.

Никита Ломагин изучал материалы в архивах Москвы, Петербурга, Подольска, Гатчины. Подробно исследовал документы ГКО, относящиеся к битве за Ленинград, различные приказы, донесения и спецсообщения о морально-политическом состоянии частей армии и флота, личный фонд Жданова и других лиц, имевших отношение к Ленинграду в годы войны, так называемые особые папки, в которых содержится наиболее ценная информация о деятельности органов власти и управления в Ленинграде, а также о настроениях населения.

За границей историк работал в Национальном архиве США, Архиве национальной безопасности США, Бахметьевском архиве Колумбийского университета, архиве Гуверовского института Стэнфордского университета, Архиве У.Черчилля в Кембриджском университете. Сейчас он изучает документы архива Гарвардского университета. "В США и Великобритании я пытался выявить материалы о позиции союзников в отношении Ленинграда, - сказал корреспонденту "НГ" Никита Ломагин. - Важно было установить, что они знали о страданиях ленинградцев и что предлагали для облегчения их участи. В американских архивах я выявил большое число воспоминаний о битве за Ленинград, об оккупации Ленинградской области, о пропагандистской деятельности РОА".

Пока петербургскому историку не удалось попасть в архив президента РФ, в котором могут быть интересные документы Сталина, Молотова, Берии. В бывшем Ленинградском госархиве остаются на специальном хранении материалы немецкой службы безопасности (СД). "По-прежнему во многих архивах находится огромное количество документов под грифом "совершенно секретно", - говорит Никита Ломагин. - Процесс рассекречивания занимает немало времени, однако самое важное, на мой взгляд, состоит в том, чтобы он не прекращался и ранее рассекреченные документы опять не попали в разряд секретных".

"СЕГОДНЯ ОНИ УМЕРЛИ, А ЗАВТРА Я"

Материалы следственных дел рассказывают об осужденных за нарушение санитарных норм, подделку продуктовых карточек, распространение ложных слухов, мародерство, людоедство...

К четырем месяцам лишения свободы был приговорен Соломон Перченок за нарушение санитарного режима - выливал нечистоты в окно. Шесть месяцев тюрьмы получил Ефрем Подгорный за то, что справлял нужду из окна, да еще колол дрова прямо в квартире.

Марию Пушкину приговорили к десяти годам лагерей (там она умерла от дистрофии) за то, что хранила дома офицерскую шпагу, 71 американский доллар и серебряную монету советской чеканки, а также умудрилась "создать на дому запас остродефицитных продуктов (сахар, рис, мука, какао), превышающий личную потребность".

Максим Белов, проезжая место недавних боев вблизи деревни Коково, обнаружил трупы солдат и снял с них одежду. Сапоги снять не удалось, и тогда он обрубил ноги топором. Военный трибунал отправил мародера на исправительные работы сроком на пять лет.

Чтобы быть в курсе настроений населения, военная цензура вскрывала практически все письма граждан. Вот строки из писем, которые были изъяты и не дошли до адресатов.

"...Ноги уже не двигаются, а ходить надо. Жертв очень много, покойников хоронят без гробов, так как гробов нет. Варваша умер от голода, все перед смертью просил поесть, вот его хороним без гроба, завязали в простыню".

"...Ваня, бросайте винтовки и не смейте больше защищать, пока не дадут больше хлеба. Бросайте винтовки, переходите к немцу, у него хлеба много".

"...Женя, мы умираем от голода. Барику приготовила на гроб доски. Но я так слаба, что не могу снести его на кладбище. Юрик настолько истощал, что уже не просит есть, лишь изредка кричит: "Мама, если нет кушать - убей меня", - это говорит четырехлетний ребенок".

К 20 ноября 1942 г. толщина льда на Ладожском озере достигла 180 мм. На лед вышли конные обозы. 22 ноября за грузом по следу лошадей поехали машины. На следующий день доставили 52 тонны продовольствия. Из-за хрупкости льда двухтонные грузовики везли по 2-3 мешка, и даже при такой осторожности несколько машин затонуло. Позже к грузовикам стали прикреплять сани - это позволяло уменьшить давление на лед и увеличить количество груза. Несмотря на то что Дорога жизни была под особым контролем, водители ухитрялись сворачивать с пути, расшивали мешки с продуктами, отсыпали по несколько килограммов, вновь зашивали. На пунктах приема хищения не обнаруживали - мешки принимали не по весу, а по количеству.

Когда же факт кражи доказывался, то водитель немедленно представал перед военным трибуналом, который обычно выносил смертный приговор. Вот как описывает механизм исполнения наказания комиссар эшелонов ОАТБ 102-й военно-автомобильной дороги Н.В. Зиновьев: "Мне довелось быть свидетелем расстрела шофера Кудряшова. Батальон выстроился в каре. Подъехал закрытый автомобиль с приговоренным. Он вышел в валенках, ватных штанах, одной рубашке и без шапки. Руки назад, связанные ремешком. Тут же выстраивается человек 10 стрелков. Председатель трибунала читает приговор. Потом отдается приказание коменданту, тот командует приговоренному: "Кругом! На колени!" - и стрелкам: "Огонь!" Звучит залп из 10 выстрелов, после чего Кудряшов вздрагивает, какое-то время продолжает стоять на коленях, а потом падает лицом в снег. Комендант подходит и стреляет из револьвера в затылок, после этого труп грузят в кузов машины и куда-то увозят".

Управление НКВД по Ленинградской области произвело обследование состояния хранения НЗ (неприкосновенный запас) продовольствия. В своем донесении под грифом "совершенно секретно" на имя секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) управление сообщало, что складовые непригодны для хранения продуктов, не соблюдаются требования санитарного надзора, неприкосновенный запас подвергнут порче. Из-за течи воды с потолка подмочены мешки с сухофруктами, сливочное масло покрыто плесенью, рис и горох заражены клещом, мешки с сухарями разорваны крысами, покрыты пылью и пометом грызунов...

Строки из писем, изъятых из почты военной цензурой и переданных на хранение в Управление НКВД по Ленинградской области:

"...Жизнь в Ленинграде с каждым днем ухудшается. Люди начинают пухнуть, так как едят горчицу, из нее делают лепешки. Мучной пыли, которой раньше клеили обои, уже нигде не достанешь".

"...В Ленинграде жуткий голод. Ездим по полям и свалкам и собираем всякие коренья и грязные листья от кормовой свеклы и серой капусты, да и тех-то нет".

"...Я был свидетелем сцены, когда на улице у извозчика упала от истощения лошадь, люди прибежали с топорами и ножами, начали резать лошадь на куски и таскать домой. Это ужасно. Люди имели вид палачей".

Если в августе 1941 г. число изъятых военной цензурой писем составляло 1,6%, то в декабре количество корреспонденций с "отрицательными настроениями" достигло 20%. Вот о чем писали ленинградцы своим родственникам на Большую землю:

"...Наш любимый Ленинград превратился в свалку грязи и покойников. Трамваи давно не ходят, света нет, топлива нет, вода замерзла, уборные не работают. Самое главное - мучает голод".

ФАКТЫ СИЛЬНЕЕ СТАТИСТИКИ

Можно ли было избежать такого количества жертв, таких мук и страданий? Отвечая на этот вопрос корреспондента "НГ", Никита Ломагин сказал: "О сдаче города и речи не могло быть. Его стратегическое значение трудно переоценить. Можно без преувеличения сказать, что, продолжая борьбу за Ленинград и жертвуя населением города, Сталин спасал Москву и Россию. Многие ленинградцы это понимали. Но этой жертвенности в известной степени можно было бы избежать, если бы руководство Ленинграда проявило волю и более организованно провело эвакуацию населения в доблокадный период, сразу же ввело ограничения на изъятие денежных средств из сберкасс, а также вовремя установило бы карточную систему и закрепило население за магазинами, тем самым не допустив многочасового стояния обессилевших ленинградцев в огромных очередях. Власть - Жданов, Ворошилов и другие - должна была помнить уроки Финской войны, показавшей, как будет себя вести население в случае кризиса. То, что происходило в конце ноября - начале декабря 1939 г., иначе как паникой назвать было нельзя. Народ изымал средства из сберкасс и скупал буквально все. Стабилизация в сфере торговли в Ленинграде наступила только через несколько месяцев, и не без помощи Москвы. В июне - первой половине июля 1941 г. история повторилась, на этот раз в виде трагедии".

К ноябрю 1941 г. голод в Ленинграде достиг чудовищных масштабов. Рабочим выдавали 250 г хлеба, иждивенцам - 125 г. Да и не всегда удавалось отоварить карточки. Резко возросло количество краж, убийств с целью завладения продуктовыми карточками. Совершались налеты на хлебные фургоны и булочные. В декабре 1941 г. были зафиксированы первые случаи каннибализма.

Игорь Шевченко родился в Италии в 1924 г. в семье русского инженера-эмигранта. Спасаясь от фашизма, он подростком вместе с родителями переехал в СССР. Местом жительства выбрали Ленинград. В июне 1941 г. отца арестовали, отбывать наказание направили в Златоуст. Перебралась на жительство туда и мать. Сам же Игорь решил остаться в Ленинграде, так как "жаль было бросать квартиру и имущество". Работал в столовой # 16 Выборгского района грузчиком. Но однажды за прогулы его уволили. "Получал карточки иждивенца, но положенной нормы было мало, - написал Игорь в своих показаниях. - Я стал ходить ловить кошек, резал их и ел. Помимо этого ел и собак. В первых числах декабря я потерял продуктовые карточки... Проходя мимо Богословского кладбища, увидел там в снегу незакопанный труп мужчины. С него снял сапоги и надел на себя. Топором разрезал на части труп и принес домой. Левую руку зажарил и съел. Остальные части спрятал на запас. В дверь квартиры постучали. Я открыл и увидел сотрудников милиции. Они меня арестовали..."

В январе 1942 г. 18-летняя Вера Титанова утопила в тазу свою новорожденную дочь, затем расчленила труп и вместе со своей матерью употребила в пищу. Спустя три недели людоеды из соседней квартиры похитили труп шестилетней девочки и также съели.

По данным Управления НКВД по Ленинградской области, за употребление человеческого мяса были арестованы в декабре 1941 г. 43 человека, в январе 1942 г. - 366, феврале - 612, марте - 399, апреле - 300, мае - 326, июне - 56. Затем цифры пошли на убыль, с июля по декабрь были взяты с поличным всего 30 людоедов. Трупы крали на кладбищах, похищали из морга, ели умерших родственников. Заманивали в квартиры взрослых под видом обмена вещей на продукты, а детей - под предлогом угощения сладостями, убивали - и в кастрюлю.

Чаще всего блокадников-людоедов военные трибуналы приговаривали к расстрелу с конфискацией имущества. Приговоры были окончательными, обжалованию не подлежали и немедленно приводились в исполнение.

Во время осады Ленинграда погибло около одного миллиона человек.

"Независимая газета"